

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ю н о с т ь И в а н а .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первый русский царь.

I. Рожденіе Грознаго. — II. Правленіе бояръ. — III. Жени́тба и вѣнчаніе на царство. — IV. Сильвестръ и Адашевъ. — V. Первый соборъ. Русский парламентаризмъ.

I.

Рожденіе Грознаго.

Въ день рожденія Ивана IV—25 августа (4 сент.) 1530 г.—во всей странѣ слышались раскаты грома, сопровождаемые ужаснымъ сверканіемъ молній. Еще въ то время, когда дитя впервые зашевелилось въ материнскомъ чревѣ—стоявшія подъ Казанью московскія войска ощутили въ сердцахъ небывалое мужество и отвагу. Но достовѣрнѣе этихъ чудесъ, запечатлѣнныхъ народнымъ преданіемъ, были удары, потрясавшіе въ то время всю цивилизованную Европу: тамъ появились Висклефъ и Гуссъ, Лютеръ и Кальвинъ. По всему христіанскому міру, на поляхъ братоубійственныхъ сраженій и на площадяхъ, загроможенныхъ эшафотами, въ покинутыхъ храмахъ и при возмущившихся дворахъ государей—католики и протестанты, пастыри и солдаты, принцы и крестьяне—всѣ стремились заглушить военнымъ кличемъ, несшимъ смерть и насиліе, великій голосъ свободы, раздавшійся съ высоты Вартбурга. Потрясенная въ самыхъ своихъ основаніяхъ цер-

ковъ вооружила всѣхъ, отъ нищаго монаха до самаго папы, на защиту ея привилегій. Но въ Римѣ, захваченномъ нѣмецкими войсками, Имперія и Франція оспаривали другъ у друга власть надъ міромъ. На Сѣверѣ, религиозная реформа служила первой ступенью для новой династіи, овладѣвшей шведскимъ и норвежскимъ трономъ.

Въ своемъ вѣковомъ одиночествѣ Русь оставалась чуждою этимъ движеніямъ. Она ничего не знала о нихъ и, можетъ быть, только иногда ощущала слабые отзвуки отдаленныхъ ударовъ. Но время уже спѣшило создать новыя узы на мѣсто порванныхъ. Чуждая, презираемая Москвою, Западная Европа уже начинала кое гдѣ интересоваться своей таинственной сосѣдкой. Съ XV в., когда уже начиналось въ Европѣ опасное броженіе, нарушившее ея единство и ея внутреннее согласіе, она увидѣла на своемъ горизонтѣ новую опасность: шуму грозы, грохотавшей въ ея нѣдрахъ противъ папства, отвѣчалъ извнѣ, какъ эхо, грозный голосъ ислама, готовящагося вступить въ борьбу съ христіанскимъ міромъ. Въ страхѣ передъ этой двойной опасностью, Римъ и Вѣна, Венеція и Генуя стали искать новыхъ помощниковъ—и открыли Москву. Итальянскіе дипломаты и левантинскіе посредники стараются съ этихъ поръ перекинуть мостъ черезъ пропасть. Черезъ свой бракъ съ дочерью Палеологовъ, дѣдъ Ивана IV вступилъ, подѣ благословеніемъ Папы, въ семью европейскихъ государей. Въ 1473 г. Венеціанскій сенатъ напомнилъ московскому князю о его правахъ на престолъ Византіи. Въ 1480 и 1490 годахъ настоящій наслѣдникъ, Андрей Палеологъ, пытался въ самой Москвѣ, продать свои владѣтельныя права. Получивъ отказъ, онъ вступилъ въ переговоры съ Карломъ VIII французскимъ. Но ключъ отъ этого сокровища былъ еще въ рукахъ Рима: думали, что съ помощью этого ключа онъ добудетъ московское войско для борьбы съ турками. Въ 1484 г. Сикстъ IV долженъ былъ успокаивать польскаго короля Казимира, который опасался за права своего старшинства среди семьи славянскихъ государствъ.

Забывая болѣе о реальныхъ успѣхахъ, нежели о пріобрѣтеніи еще проблематическихъ титуловъ, Иванъ III отвѣтилъ пренебрежительнымъ отказомъ на заманчивыя предложенія. Однако, проектъ великаго славянскаго государства,—хотя бы и подѣ опекой римскаго престола,—естественно связанъ былъ съ вопросомъ о положеніи русскихъ областей, являвшіхся предметомъ давняго спора между Польшей и Москвою. На этой почвѣ, гдѣ скрещивались враждебныя вліянія

и притязанія, естественно возникали новыя дипломатическія комбинаціи: ими поддерживалась и облекалась въ болѣе реальную форму все та же самая идея *панрусизма*. Андрея Палеолога великій князь московскій съ презрѣніемъ отсылалъ къ другимъ покупателямъ; совершенно иной—гораздо болѣе радушный пріемъ онъ оказалъ зато фонъ Турну, послу императора. Ему онъ заявилъ о своей готовности заключить «единачество» съ Максимилианомъ, чтобы въ будущемъ общими силами дѣйствовать противъ султана. Но сперва онъ требовалъ, при помощи императора, свести историческіе счеты съ польскимъ сосѣдомъ. Поэтому, не дожидаясь папской буллы, онъ дозволилъ себѣ именоваться для своихъ подданныхъ *царемъ*. По понятіямъ православныхъ, этотъ титулъ соотвѣтствовалъ императорскому достоинству и былъ равносильнъ заявленію своихъ правъ на византійское наслѣдіе. Въ 1493 году, собственной властью, Иванъ III присвоилъ себѣ еще титулъ Государя всея Руси: этимъ онъ заявлялъ свои притязанія на Кіевъ и Вильно.

Такое самостоятельное рѣшеніе великой восточной проблемы подготавлилось еще задолго до Ивана III. Первыми додумались до этого юго-западные славяне. Еще въ XIV вѣкѣ два государя—Душанъ сербскій и Александръ болгарскій одинъ за другимъ выступили съ тѣми же притязаніями. Оба они мечтали завладѣть Константинополемъ; оба начали съ провозглашенія себя царями. Въ манускриптахъ того времени мы видимъ упоминаніе о новомъ Царьградѣ: мѣсто ему было намѣчено въ Тырновъ. Однако, Милуковъ справедливо замѣчаетъ, что, для осуществленія программы національнаго величія, Россія XVI вѣка нуждалась во ви́ншемъ толчкѣ—со стороны Европы. Такъ и для Россіи XVIII столѣтія нужно было подобное воздѣйствіе, чтобы воспринять и провести реформу Петра Великаго.

Умирая (1505), Иванъ III оставилъ пять сыновей, между которыми онъ и раздѣлилъ свои владѣнія. Однако, вопреки обычаю прошлаго, онъ предоставилъ своему старшему сыну уже не одну, а двѣ трети наслѣдства. Это составляло 66 городовъ и областей, не считая столицы. Первой женой Василия была дочь боярина—Соломонида Сабурова. Отъ нея у Василия не было дѣтей, что приводило его въ отчаяніе: «Счастливы птицы», говаривалъ онъ, глядя на гнѣздо пернатой пары. Неплодная супруга обращалась къ волшебству; но и это средство оказывалось безсильнымъ. Въ 1525 году боярская дума предложила Василию иную мѣру. Несомнѣнно, это предложеніе соотвѣт-

ствовало тайнымъ желаніямъ вѣнценоснаго супруга. «Безплодная смоковница посѣкается» — напомнили великому князю бояре. Только одинъ изъ нихъ осмѣлился возвысить свой голосъ противъ расторженія священныхъ узъ брака. То былъ Семень Курбскій, обладатель громкаго имени, которое вскорѣ должно было прославиться въ рядахъ боярекой оппозиціи. Съ другой стороны, изъ среды духовенства, протестъ Курбскаго поддерживали Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ. Оба были представителями партіи реформы. Однако, это не помѣшало развязкѣ. Соломонида была заточена въ монастырь, а Василій повелъ къ алтарю дочь литовскаго выходца — Елену Глинскую. Великій князь былъ страстно увлеченъ ею. Вѣроятно, и самое безплодіе Соломониды явилось для Василія лишь внѣшнимъ предлогомъ для развода. Послѣ того, какъ московскіе государи перестали брать себѣ невѣсты изъ владѣтельныхъ домовъ Европы, они начали обращаться за тѣмъ къ своимъ соотечественницамъ. При этомъ, по обычаю, устраивалось нѣчто въ родѣ конкурса туземныхъ красавицъ. Дѣвицы собирали цѣлыми сотнями, вызывая ихъ изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ государства. Весьма характерно, что, повидимому, при новомъ бракѣ Василія III въ Москвѣ обошлись безъ этого традиціоннаго обряда.

Красавица собой, воспитанная, сравнительно, заботливо, благодаря своему нерусскому происхожденію — Елена соединяла въ себѣ такіе чары, какихъ Василій не могъ бы найти ни у одной изъ своихъ соотечественницъ. Елена рано осталась сиротою послѣ своего отца, Василія Львовича. Выросла она на рукахъ у своего дяди Михаила. Это былъ старый соратникъ Альберта Саксонскаго и императора Максимилиана, — странствующій рыцарь, который, въ поискахъ приключеній, попалъ въ Италію и даже умудрился принять тамъ католицизмъ. вмѣстѣ съ Еленой въ московскій Кремль проникаютъ западныя вліянія. По свидѣтельству Герберштейна, въ угоду своей новой супругѣ, Василій даже сбрилъ себѣ бороду. Съ точки зрѣнія нравовъ того времени это было уже настоящей революціей.

«Заволжскіе старцы» объявили новый бракъ Василія блудодѣяніемъ. Казалось, и небу не угодно было сдѣлать этотъ союзъ болѣе счастливымъ, чѣмъ первый. Стали ходить слухи, будто Соломонида родила сына въ своемъ монастырѣ. Наконецъ, нашелся монахъ, менѣе строгій къ слабости великаго князя. То былъ Пафнутій Боровскій, впоследствии, въ благодарность за заслуги передъ царствующимъ до-

момъ, признанный святымъ чудотворцемъ. Молитвы Пафнугія были услышаны. Елена произвела на свѣтъ желаннаго наслѣдника. Спустя три года, 15-го октября 1533 года, она родила второго сына—Юрія,—и тотчасъ овдовѣла. Иванъ III измѣнилъ старый порядокъ престолонаслѣдія, въ силу котораго по смерти князя, власть переходила къ его братьямъ. Теперь имъ принадлежало лишь регентство. Едва ли можно думать, чтобы Василій, умирая, сдѣлалъ иное распоряженіе. Но Елена не даромъ происходила изъ рода авантюристовъ. Энергичная, честолюбивая,—она сумѣла создать себѣ могущественную партію: ею она и воспользовалась, чтобы захватить власть и удержать ее въ собственныхъ рукахъ.

Однако, Елена допустила двоякую ошибку. Во-первыхъ, она не раздѣлила власти со своимъ дядей, который, несомнѣнно, былъ весьма ловкимъ политикомъ. Съ другой стороны, она передала большую часть правительственныхъ полномочій своему возлюбленному,—князю Телепневу-Оболенскому. Этотъ любимецъ Елены оказался самымъ вздорнымъ смутьяномъ. Скоро въ государствѣ началось броженіе. Елена заточила въ тюрьму своего дядю, а также брата Василюва, Юрія, которые пытались присвоить себѣ правительственную власть. Послѣ этого, однако, ей пришлось бороться съ другимъ деверемъ, Андреемъ, который не хотѣлъ довольствоваться своимъ Старицкимъ удѣломъ. Государству грозила междоусобная война. Елена предупредила ее при помощи хитрости, поймавъ въ ловушку князя Андрея. Пришлось и ему засѣсть въ московскую темницу, откуда рѣдко люди выходили живыми. Голодъ и тяжесть оковъ ускорили здѣсь его кончину. Что касается его сторонниковъ, то, въ числѣ 30, они уже качались на висѣлицахъ, разставленныхъ по дорогѣ изъ Москвы въ Новгородъ. Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ Елены съ княземъ Андреемъ Новгородъ какъ будто поддерживалъ деверя правительницы.

Елена крѣпилась еще нѣсколько лѣтъ. Въ довершеніе всего, противъ нея соединились Польша и татары, чтобы воспользоваться слабостью ея правительства. Еленѣ пришлось бороться и съ ними. Въ 1538 году внутренніе враги повидимому отравили Елену. Иванъ осиротѣлъ. Власть перешла въ руки бояръ. На смѣну олигархіи явилась анархія.

II.

Правленіе боярь.

Любимецъ Елены, князь Телепневъ-Оболенскій, былъ предоставленъ теперь собственнымъ силамъ. Тотчасъ же среди смуть почва заколебалась подъ его ногами. Покойная правительница еще умѣла сдерживать своихъ враговъ; теперь они устремились къ трону, чтобы насладиться легкимъ мщеніемъ. Партія Елены пала: надъ ея развалинами подымали голову Шуйскіе. Будучи связаны съ престоломъ узами родства, они, однако, не удовлетворялись въ своихъ притязаніяхъ цѣлями временнаго господства. Какъ и Василій съ Иваномъ, они принадлежали къ потомству Александра Невского. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они представляли собой старшую линію династіи, въ которой царствующій домъ являлся лишь одной изъ младшихъ вѣтвей. Легко понять, какъ далеко заносились ихъ честолюбивыя мечтанія. Въ какихъ-нибудь восемь дней они расправились съ княземъ Оболенскимъ: и онъ, какъ другіе, исчезъ въ подземной темницѣ. Такъ Иванъ лишился своего опекуна; скоро у него отняли и кормилицу, Аграфену. Она была сестрою Оболенскаго и должна была раздѣлить его участь. Къ Василію Васильевичу Шуйскому присоединился двоюродный братъ его—Андрей, только что выпедшій изъ заключенія. Однако, скоро оба они очутились лицомъ къ лицу съ новымъ выходцемъ съ того свѣта. Изъ открывшихся темницъ на поприще борьбы устремлялись цѣлыя тучи соискателей власти. Между ними оказался и князь Иванъ Бѣльскій, который не намѣренъ былъ никому уступать въ своихъ притязаніяхъ. Въ противовѣсъ Рюриковичамъ онъ опирался на предка своего, литовца Гедимина. Отецъ Бѣльскаго, Ѳедоръ, женатъ былъ на племянницѣ Ивана III, княжнѣ рязанской. Спасаясь отъ преслѣдованій Елены, братъ его, Семень, бѣжалъ на чужбину. Скитаясь по Польшѣ, по Крыму, попавъ даже въ Константинополь, онъ искалъ тамъ не столько убѣжища, сколько политическаго союза. Его мечтою было—вернуть свои наслѣдственные владѣнія—Бѣльскъ и Рязань, насильственно присоединенныя къ московской державѣ.

Такимъ образомъ, дѣлу младшихъ Рюриковичей угрожала опасность. Оно уже колебалось среди борьбы, которая съ 1538 до 1543 г. сдѣлала Москву мѣстомъ насилій и кровопролитія. Только жестокое соперничество Шуйскихъ съ Бѣльскими и ихъ свирѣпое взаимоистребленіе спасли самого Ивана и сохранили въ цѣлости его наслѣдіе.